

— Вы приезжая? — мужчина интеллигентного вида присел рядом на лавочку, держа на поводке таксу. От него пахло туалетной водой.

— Да, вы правы! К сыну приехала погостить.

— Борис Валерьевич,— представился мужчина.— Мы с Рудиком частенько выходим погулять в утренние часы. Знаете, говорят, благотворно влияет на сердечно-сосудистую систему. Гуляем по кварталу, а вас я заметил недавно.

— Вы наблюдательны...

— Пололожение обязывает. У меня высшее педагогическое... Сейчас молодежь пошла, то и дело норовят обхитрить. Приходится держать ухо востро. Кхе-хе.

Мария понимающе кивнула.

— Извините, можно задам вам вопрос личного характера? — спросил он.— Ваши родные пенаты далеко?

— Павловск, знаете?

— Павловск! Конечно! Назван в честь царевича Павла Первого. Несостоявшаяся столица края! А грибные места у вас просто отменные!

— И хорошо, что несостоявшаяся! — поддержала разговор Мария.— А то бы не любовались мы сейчас чудными местами. И лес бы весь вырубил, и пруд бы в лужу превратили. Многоэтажек понастроили, асфальтом дороги закатали и название придумали — микрорайон Касмалинский, и мы бы с вами сидели сейчас и настальгировали о основном боре и теплой речушке, а ученые гадали, кто принял данное решение.

— Да, да. Вы правы. Даже приятно, когда человек защищает свою землю, а вы именно защищаете...

Подобные беседы стали происходить регулярно.

Надька, не замедлив, поинтересовалась:

— Чего Малюков на лавочку к тебе стал подсаживаться? всю жизнь с матерью прожил. Ни ребенка, ни котенка, хоть собаку завел на старости лет и то ладно. Бабка год назад померла, скучно, наверное, стало, теперь ищет, кто его обстирывать и кормить будет, а то кроме кефира, яблок и корма собаке в «стекляшке» ничего не берет,

видно в университетской столовой питается.

После этих разговоров Мария ночью переворошила в памяти гулянки Михаила. Раз припугнула мужа:

— Пить будешь, к Бродькину уйду!

Бродькин (их огороды смотрят друг на дружку) визгливый мужик, ходивший постоянно со свисающей мотней на штанах, с вечно текущими соплями по бороде, вечно подбирающий по дороге или на свалке всякий хлам.

Спустя несколько дней они возвращались из центра и по пути встретили Бродькина, вытаскивающего из лужи ржавую железяку. Михаил напротив соседа остановил Маньку и, повернувшись к Марии, сказал:

— Чего сидишь, вот он, Бродькин! Ссадить?

Долго потом еще хохотали над этим.

Воспоминание стало небольшой отдушиной перед визитом Бориса Валерьевича.

Утром, проводив домочадцев на работу, она по обыкновению вышла подышать свежим воздухом. Малюков встретил ее с букетом цветов.

— Мария Петровна, не сочтите за... вам... мы взрослые люди, нам нечего таить-ся... хорошо узнали друг дружку... чувства появятся, поверьте, переезжайте ко мне!

— Не стоило тратиться, Борис Валерьевич! — сказала она и даже не задержалась, прошла мимо, а он, проводив ее своим обыкновенным грустным взглядом, положил цветы на скамейку, дернул таксу за поводок, скомандовав, как ни в чем не бывало:

— Рудик, домой!

Цветы пролежали на лавочке до вечера, пока Надька их не забрала:

— Добру зря пропадать! Вон красотишша какая!

На следующий день Надька встретила ее улыбкой:

— Ну, раз на кавалеров фартит, пойдем, я тебя с настоящим мужчиной познакомлю! Хоть развеешься, отвлечешься! А то киснешь, сидишь в своих воспоминаниях. Подожди минутку, дometу.

— Еще кавалеров не хватало!

— Пойдем хоть у меня посидим! День рожденья сегодня, как-никак!

— Поздравляю, Надюш! Только без подарка неудобно!

— Да брось! Неудобно, Машка, на потолке спать, одеяло соскальзывает. А здесь я тебя приглашаю.— Надька потянула ее за руку, и Мария сдалась.

— Ну, разве ненадолго!

— Конечно! Посидим, поболтаем. По рюмашечке вмажем!

У Надьки просторная двушка. Бардак в квартире соответствовал ее холеричному характеру. На скорую руку накрыли на стол — колбаски порезали, сыра, огурчиков. Пока накрывали, Надьке все кто-то названивал. Поговорить выходила в коридор. До Марии через раз доносилось:

— В магазин зайди! Да хоть в нашу стекляшку! Давай скорей, а то мы уже накрыли...

— Ты там с кем? — поинтересовалась Мария.

— Да родственник сейчас придет в гости. Поздравит!

— Слушай, ну что я вам буду мешать. Я тогда пойду, внучка скоро со школы вернется,— отнекивалась Мария, но именинница настаивала на своем.

— Уйдешь, я обижусь! Буду считать, что ты мне испортила праздник.

Пришлось остаться.

Гость — примерно их возраста с выделяющимся животом на фоне хиленькой груди и тонкой шеи. С лицом неприятным, отекившим и красноватым. Над верхней губой выбриты полоской усики-ниточки. От него за километр несло туалетной водой. В руках он держал увесистый пакет.

— Эдуард Витальевич! — представился он Марии.— Подполковник в отставке.

— Мария Петровна! — ответила она и почувствовала стыд, хлынувший жаром в лицо.

— Наденька, взял все по вашему желанию! — отчитался Эдуард, потряхивая содержимым пакета.— Водочка, пиво «Чешское», шоколадку «Россия — щедрая душа!», колбаса «Краковская».

Пока Надька выкладывала провиант на стол, гость начал распечатывать бутылку.

— Вы что будете? — спросил он у Марии.— Пиво, водочку?

— Конечно водочку! — ответила за Марию Надька, крутясь у холодильника.

— Знаете, одному скучно! — разливая спиртное говорил Эдуард.— Женщину я свою давно похоронил. Дети уже выросли, внуки подрастают. Сейчас найти собеседника по интересу дорогого стоит. Вообще, я считаю женщину нужно сравнивать с красным вином — чем старше, тем ценнее! Поэтому, Надежда Валерьевна, пьем за вас, за ваше здоровье и женскую привлекательность!

Чокнулись, выпили.

— Видишь, Машка, не извелись еще мужики, ценящие нас! — сказала Надька и тут же спохватилась: — Блин, сока-то забыли взять!

У Надьки даже варенья не оказалось сделать морс.

Пришлось запивать «Чешским».

Толи от намешанного пива с водкой, толи действительно немного отвлеклась от грустных мыслей и расслабилась — Марию заметно развезло. И они уже на пару с дворничихой смеялись над пошлыми анекдотами, вставляемые то и дело в разговор их новым знакомым.

Зазвонил Надькин мобильник. Она чертыхнулась. Вышла разговаривать в коридор.

— В соседнем доме у кого-то трубы прорвало,— оповестила она, накидывая куртку.— А ключи от подвала у меня. Вы сидите, я сейчас мигом! Да заодно в магазин заскочу, бутылочку возьму, а то чувствую, мало будет!

— Наденька, и сигарет еще пачку захвати! Бонд синий, пожалуйста,— вдогонку ей бросил Эдуард.— Я с тобой потом рассчитаюсь.

Мария сидела и улыбалась, думая о чем-то своем.

Дальнейшие события происходили, будто в тумане.

Ей стало дурно, и вроде она попросила его отвести ее в спальню. Отвратительные усики отставного подполковника перед глазами, запах перегара (ее или его — уже неважно), губы в чем-то жирном и его холодное костлявое тело, льнущее к ней, торпливые руки, срывающие с нее одежду.

Толи сон страшный снился...

А потом кровь на его голове. Текущая из раны быстрее, чем обычно от поднявшегося давления (говорят, от выпитого бывает). Разбитая, хрустальная ваза, стоящая рядом с кроватью на тумбочке, исцарапанные щеки, испуганный взгляд Надьки и свежий воздух, хлынувший ей в лицо на улице...

6

Будто бы от изнурительного похмелья невыносимо, только болит не голова, а душа...

Хорошо, обошлось без последствий: отставной офицер сильно не пострадал. Дворничиха вовремя подроспела — остановила кровь, обработала рану зеленкой, обмотала голову бинтом.

Всю ночь Мария не спала — винила себя. Казалось, супруг следит за ней и корит ее за проступок.

Перед глазами стояли последние деньки, проведенные с ним...

...Два года назад Михаилу поставили стент на сосуд в области сердца. Врачи предупредили о серьезности положения: «Лекарства сильные, но готовьтесь — в любой момент может случиться ухудшение...»

И тогда Мария воскресила в памяти бабу Лену, водившую ее в молодости к далке:

— Пойдем, Маша, к бабке Потанихе, она правду говорит.

Седая бабка Потаниха, разложив старые потрепанные карты на столе, выдала будущее, открывшееся только ей:

— До шестидесяти немного не доживет!

А молодым казалось — шестьдесят наступят нескоро, но не успели оглянуться, и им уже не по двадцать. Жили, не оглядываясь назад, работали, воспитывали детей, не замечая стремительно бегущего времени, а не успели опомниться, пенсия подоспела.

Михаил часто говорил:

— Бросай работу! Хватит бегать, не молодая. Знаешь, дома плохо одному. Ты пенсию получаешь, я получаю, вдвоем нам хватит. Хоть напоследок вместе побудем!

Чувствовал, что недолго осталось. Оттого и принялся за несколько дел сразу, хотел многое переделать. Наставления давал.

Когда его выписали из больницы (он проходил плановое обследование раз в полгода) явного улучшения он не ощутил.

Чаще стал просить выпить. Мария злилась на него, но шла навстречу, не в силах отказать, думая, вдруг от ста граммов муж будет лучше себя чувствовать.

— Возьму чечок и ни капли больше! И за ограду ни ногой, понял! — говорила ему.

— Пивка еще полторашечку... Схожу Ваньку угощу!

— Ага! Ванек мне не хватало! А то сейчас начнется, Танька мне выдаст!

И утешалась мыслями: «Может, выпьет да ему полегчает». А легче не стало.

Сидели утром на кухне, пили чай, и Михаил ей сказал:

— Маша, пришла моя смерть!

Она не придавала значения его фразе, ходила и еще подтрунивала над ним, наблюдая за мужем, бегающим со сберкнижкой в руках.

— И чего ты с ней секотишь? — буркнула Мария. — Положи на место, на эти деньги похоронить и хватит!

— Мужики приедут и закопают!

— Закопают, жди! Закопать сейчас не меньше пятидесяти тысяч надо.

— Меня не надо с почестями, по-простому...

— Ну-ка, стой! А ты чего лыбишься, довольный, дерябнул, поди?

Проследила за ним. Подозрительным показалось его шмыганье в бендейку. Проверила и сразу нашла трехлитровую банку с остатками мутной бражки. На днях сын приезжал в гости, сок березовый в колках собирали, он, похоже, одну баночку и приберег. И ходил с утра, глаз щурил.

Поход в магазин тоже восстановила по минутке — дорога шла через лес, и Михаил часто останавливался, опирался на сосну, пытался вздохнуть полной грудью, но не получалось. Мария видела его мучения и страдала вместе с ним.

— Давно мы, Маш, не ходили нашей дорогой! — замечал Михаил, пытаясь отвлечь ее. — Даже не узнать! Посмотри, лес-то помолодел! Последний раз по нашей дороге давненько ездили.

— Старые деревья спиливают, другие их место занимают, оттого и молодеет!

— И у людей то же происходит, — заметил Михаил и долго потом о чем-то думал.

Пока шли, освежили в памяти молодость, друзей, дискотеки. И даже поцеловались. Разговор по душам оказался для них последним...

Время, когда помирает кто-то из близких людей, запоминается надолго. Мария чуть ли не поминутно могла пересказать трагический день.

С утра вышла на улицу, а Михаил лавочку новую у палисадника мастерит.

— Наконец, снесла курица яйца! — всплеснула руками она.

— Не шуми! — забывая гвоздь в доску, ответил Михаил. — Вдруг гости придут, хоть посидеть будет где людям!

И снова она не придала его словам значения.

А Михаил готовился. Чувствовал — раз отправился прощаться по улице: добрый, безобидный, простой, как три копейки.

Долго беседовал с узбеками, строившими неподалеку дом. Разговорился с бригадиром — молодым парнем из Алтайского. Рассказывал о многом. Про сорок лет, прожитых на поселке. (Мария потом узбека расспросила).

Припомнил — на соседней улице раньше дома не стояли, а просторная полянка перед их воротами только недавно застроена. Поделился: крепкий асфальт в селе на их улице, в укладке он тоже принимал участие. Жаловался на сына, работающего в городе, хотел чаще его видеть, но не получалось. А напоследок сказал бригадиру, может, главное:

— Я слышал, Юрка, сосед чурками недобитыми вас называл! А ты, паря, не обращаешь внимания — все под Богом ходим! Люди мы — и поверь, на небе различия не будет!

Мария несколько раз выглядывала за ворота, проверяя мужа. Удостоверившись в нормальности его состояния (боялась, угощать его начнут), снова хозяйничала по дому.

После разговора с бригадиром Михаил направился к Ивану Дымову. Она хотела остановить его, но муж махнул на нее рукой:

— Опять выбежала! Иди, иди домой! Посижу с Ванькой немножко и приду.

Мимо пробегала ребятня, и он обратился к ним:

— Ух, мальцы! Ну, живы?

— Живы, дядь Миш, живы!

— Ну, тогда и живите! — сказал он им в след. — Место у нас хорошее — лес, речка. А я пошел...

У Марии до сих пор перед глазами стоит сцена, когда она делает мужу искусственное дыхание — вдыхает, вдыхает в него воздух, а он, зараза, выходит обратно...

Возвращалась мыслью к фельдшеру запоздавшей «скорой», отстранившему ее от мужа. А она не хотела отходить и кричала, цепляясь за рубаху, сшитую недавно по его просьбе:

— Мишенька, родненький, дыши! Дыши, родненький, дыши!..

7

Утром Мария, надеясь не встретить Надьку, тихо спустилась по ступенькам и выскользнула из подъезда.

До Никольской церкви рукой подать, но она проехала несколько остановок на автобусе, затем сошла, решив прогуляться. И пока двигалась по проспекту, вспоминала. Не заметила опасность — пытаюсь перейти на другую сторону проспекта, выскользила на проезжую часть, прямо под колеса троллейбуса...

Под визг тормозов кто-то схватил Марию за рукав и потянул обратно на тротуар.

— Ты чего, мать, надумала!? Жить надоело? — пожилая женщина держала за руку Марию.

Она поблагодарила спасительницу, так и не поняв, что могло произойти, поспешила в храм.

На утреннее богослужение опоздала. В церковной лавке купила две большие свечи по семьдесят рублей, спросила, где ставят за упокой, и прошла вдоль стены в левую часть храма к указанному канону с распятием.

Перекрестилась. Осторожно зажгла свечку.

Рядом стояли две женщины и тихо переговаривались:

— А некрещеных отпевают? — спросила одна у собеседницы.

— Говорят — нельзя!

Мария горько улыбнулась услышанному — Михаил некрещеный был. Бабка знахарка его в воду погружала... А в Бога верил... По своему! Из календаря вырезал лик Николая Чудотворца и у печки на стенку приклеил...

Мария неотрывно глядела на горящий огонь, погружаясь в дорогие сердцу воспоминания...

...После бани стригла Мишу, а он смиренный, родной, то и дело шутил, а она читала нотации.

— Боролась с тобой, боролась, думала, человека сделаю! А не получилось. Непутевым и остался!

— Ты меня, непутевого, еще целовать будешь!..

Накануне перед смертью выпросил у нее на бутылочку. И когда уже легли спать, Миша три раза приходил в спальню. Сначала постоял у кровати, за руку взялся, поддержал в мозолистых ладонях и ушел. Через несколько минут опять тихо позвал: «Маша! Ты спишь?» Но не дождавшись ответа, снова ушел в другую комнату. А в последний раз присел в ногах. И долго сидел, глядя ее ступни.

Странными показались его хождения. Выпивши, он ни разу подобным образом себя не вел. Обычно поговорить надо. Пофилософствовать. На улицу выйти. Посвистеть. Покричать: «Дороги!», или сядет на крылечке, гармошку в руки возьмет, меха рвет. Поэтому лежала Мария, притворяясь спящей, думала, снова начнет на бутылку просить. Опять пойдет за самогоном да завалится к Ваньке Дымову, и на всю ночь Таньке — жене Ивана не видать покоя. Лежала, не откликнулась. А знала бы, то поговорила бы с ним. Может, и выспросила о плохом его состоянии. А он и не показывал. Приходил прощаться, а она не поняла!..

Горит свеча... Трепещет пламя перед образами. Святые внемлют мольбе Марии.

Лишь бы не погасла!.. Плохой знак. Погаснет — не услышат на небесах просьбу...

Горит свеча — жива вера на лучшее, на снисхождение Господа, надежда на спасение души...

И вдруг... Мария увидела Михаила...

Руки у него в тисках железных зажаты. Похожи на те, что в бендейке стоят... Тиски сжимаются. Больно ему... Кинулась она на помощь, да кто-то не пускает!.. Держит!.. И в сторону отводит... От мужа...

— Нельзя, вам, Мария... Суд Божий идет... Перед Богом он!

— Ему же больно!.. — захлебываясь слезами, пытается вырваться Мария. — Пустите!.. Господи Иисусе!.. Прости его, грешного!..

С трудом Мария открыла глаза. Почувствовала себя нехорошо. Присела на лавочку. Разрыдалась...

Перед глазами кружилось и шумело в голове.

Как добралась домой, не помнит. В квартире никого не было. Сын уехал с семьей помогать свекру на даче. Мария выпила таблетку и прилегла на диван. В неродных стенах еще с большей силой почувствовала одиночество.

Некому излить душу. Дочь далеко, а разве по телефону передать той малой толики, что хочется сказать, глядя человеку в глаза. Думала, у сыночка обретет душевную теплоту, но Николай отдалился. С возрастом очерствел. Возможно, она виновата — недолбила сына, уделяя больше внимания Михаилу. Может, недодала материнской любви, занятая насущными проблемами?.. Но старалась же!.. Старалась следить, чтобы дети были сыты и обуты. И даже когда становилось тяжело с деньгами, прокручивала в магазине махинации с ломом печенья да со списанными конфетами, добавляя их в свежую партию, лишь бы дети ни в чем не нуждались.

«Теперь ничего не исправить. Не нужна никому! От того и горько! Ой, как горько!» — думала Мария. И вдруг в памяти всплыл момент, как уже не ходячая бабушка Лена просила:

— Доча, отвези меня домой! Слышишь! В родных стенах хочу умереть!

— Баб, кто за тобой ходить будет? Нина учится, Рая работает, ей некогда. А я не набегаюсь, далеко.

— Христа ради прошу! Отвези!..

Но она тогда даже не захотела слушать.

Сколько лет прошло, а до сих пор нехорошо от мысли, что бабушка после отъезда из родного дома не два месяца прожила бы, а дольше, если бы выполнили ее просьбу.

Мария не решалась тогда сказать ей о том, что на дом, построенный отцовскими руками, уже найден покупатель.

Тетка, смотрившая добротный пятистенок, ходила и охала: «Старый». Еще не купив, намеревалась сломать перегородку между комнатами, планируя сделать просторную залу.

Речь покупательницы резала ножом по живой памяти об отце...

Мария не сдержалась:

— Ничего у вас не получится!

— Не поняла? — выпучила глаза тетка.

— Я вам не позволю! И вообще... Я... Я передумала! Дом не продается!

— Ну, знаете, милочка! — тетка дернулась. — Вам тут не детский сад!

Покупательница побагровела и, выходя, запнулась о пустое ведро на веранде.

Но рано или поздно всему приходит конец. Дом пришлось продать. Девчонки выросли, обзавелись семьями, разделили наследство. В довесок к деньгам Марии достался стол, стоящий до сих пор у нее в сенцах...

8

Мария не слышала, как вернулись домочадцы. Ритка заглянула в комнату и, удостоверившись, что бабушка дома и спит, ушла к себе.

...Удивительная черта людей заглушать тоску-печаль песней, превратившейся в исцеляющий бальзам...

«В полном разгаре страда деревенская, доля ты русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать...» — пела бабка Домна. Дребезжал голос старухи, похожий на стекло, готовое от удара разлететься на мелкие кусочки, а удар тот — слово...

Бедная, не узнавшая, где могилы сыновей. Читающая и перечитывающая последние письма, пришедшие с фронта...

Воображение Марии рисует образ Домны, зарытой по голову в песок.

Ах, как хочется обнять бабушку, натереть скипидаром непослушные ноги, поговорить!..

Спросить:

— Ну, как ты, Домна? Где взяла силы пережить лютое горе? А я ведь теперь понимаю! Ох, понимаю! Тяжко на душе! А может, ты знаешь способ избавиться от щемящей боли в сердце, выжигающей, подобно кислоте, нутро.

Мария наклоняется к Домне, подносит к беззубому рту стакан с водой. Домна шевелит пересохшими губами, хочет дать внучке важный завет. Но Мария его не слышит. Она пытается раскопать Домну, но та с головой исчезает в песке...

...В квартире тихо и только из комнаты сына доносятся голоса:

— Мир на этом не обрушился!

— Она мешает?..

— Чего завелся? Заладил одно!.. Коля, пойми, у нее еще не тот возраст подле нас сидеть! Пусть на работу устроится, в конце-то концов. Ей же лучше будет!

— От чего лучше? От одиночества?..

— Ей сейчас надо переболеть! И сроду не одна, мы будем на выходных приезжать. Или давай продадим дом?.. Купим рядом с нами малосемейку. Мать будет под присмотром.

— Да не поедет она в малосемейку. И дом продавать не согласится!

— А ты поговори!..

— Сама говори!..

Чтобы себя не выдать, Мария лежала не шевелясь и смотрела, как медленно идут часы... Тик... Так... Слышала ворочанье сына с боку на бок. Он тоже долго не мог заснуть.

От чего-то вспомнилось, как выбирала рубашку, в которой положили мужа в гроб.

В ритуальных услугах не оказалось немаркой, простой, как любил Михаил. Пришлось побегать по магазинам, пока не нашла нужного размера и цвета.

Позже представила сосновый бор, защищающий поселок от ненастья, и поняла, что хочет домой. Обратно, где прошли лучшие годы. Представила безжалостный ветер, обрушивающийся на ее дом — одинокий, безмолвно принимающий удары стихии...

Сейчас, вдалеке от родных мест, пришло осознание — в расставании есть сила, которая позволяет распознать правдивое, искреннее и неподдельное, очищающее душу. Это время дает человеку понять: чувства, сильнее любви, — не найти. А вера, как лакмусовая бумага проявит — не сорняк ли вырос.

Мария еще долго не могла приспособиться к дивану, но главное — к ней пришла уверенность — за эту ночь обрела истину.

9

Выпал первый снег. Сидя на кухне, Мария наблюдала с третьего этажа за непогодой: хлесткий ветер, резвясь между пятиэтажек, тербил рябину, в осень посаженную под окнами, и покрывал дорогу скользкой наледью. Люди, застигнутые непогодой врасплох, кутаясь в легкие курточки, прятали лица от ветра, сновали по тротуару; и ей стало неуютно оттого, что неуютно прохожим на улице. Захотелось всех разом пожалеть, приласкать добрым словом, обогреть горячим чаем с малиной. Уподобилась Михаилу — он постоянно хотел обогреть обездоленных, приводя их домой.

Когда родные разошлись, Мария собрала вещи. Позвонить не решилась. Знала — Николай сорвется с работы. Не хотела отвлекать. Написала короткую записку и направилась на вокзал. Уезжая из города, поняла — возвращалась домой свободной, сбросив груз, непомерной тяжестью лежавший на душе.

Выйдя в райцентре, не стала дожидаться «ГАЗели», ходившей каждый час до их поселка, а пошла пешком.

Перешла мост. Мимо проезжавший автобус тормознул у обочины. Дверь открылась, и она увидела махавшего ей шофера — Алексея Устинова.

— Теть Маш, вернулись! А я смотрю, вы не вы! Даже сразу и не признал! Я до лесхоза. Садитесь! Подброшу.

— Спасибо, Леш!..

— Нагостились? Быстро! Хорошо в городе?

— Хорошо!

— Колька кем работает!

— На заводе, начальник цеха...

— Ясно! Здорово пристроился! А вы слышали новость?! На поселке часовенку хотят ставить.

— Часовенку? — удивилась Мария Петровна.

— Ну да! Дядя Миша часто сетовал, что поселок наш на змеином саду построен. Говорят, церкви участок уже отдали или продали на опушке у дамбы. Поп приезжал, освящал место! Говорят, лесхоз уже добро дал — к весне выделяют пятьдесят кубов бруса!

— Хорошее дело задумали! — ответила она.

От конторы пошла пешком через бор той дорожкой, по которой любили они с Михаилом ездить на лошади.

Лес встретил ее шепотом сосновых вершин. Принял под хвойный покров, направив в ее сторону слабое дуновение озимого ветерка. Выпавший вчера первый снег почти сошел, но местами цеплялся из последних сил за пожухлую траву, за наломанные ветром ветки, за неглубокие ложки, открывая ей некий смысл и, словно боясь больше не вернуться в эти места, старался задержаться, не подразумевая, — через короткое время снова вернется на долгие месяцы. А пока облакканная внезапной оттепелью душа отогревалась — с каждым шагом, приближавшим ее к родному уголку, набиралась силенок и, выйдя на полянку перед домом, ожила, точно земля, после долгих зимних дней истосковавшаяся по весеннему солнцу.

Дом уже не выглядел большим. Казалось, подобно сиротке, осунулся, врос в землю, сутулясь меж ивовых зарослей и опушкой бора.

Кошка, спрыгнув с навеса, бросилась в ноги.

Мария взяла Симку на руки, приласкала, приговаривая:

— Заждалась! Пришла ваша непутевая хозяйка! Простите вы ее!

Остаток дня провела в домашних хлопотах: попросила Ивана Дымова залить воду в систему. После — долго натапливала печь, загоняя тепло в дом, делала генеральную уборку. И ближе к вечеру, намывшись в бане, поймалась на мысли — безмерно рада оказаться снова в родном гнездышке, где жила в труде, иногда в нужде, но с чистой душой, любя мужа, детей, радуясь малому, ценя дарованное Господом... — простую жизнь.

И от усталости провалилась в сон, — со дня похорон толком не могла глаз сомкнуть, и случилось то, чего ждала долгое время — приснился Миша:

— Тише, тише! — улыбаясь, шепчет Мария, вдыхая пряный аромат светлых лугов, наслаждаясь прохладой березового колка, да застывшим румяным закатом. На дне ложка озерцо с парной водой. Рядом стоит перегревшийся старенький «Днепр» свекра, на котором они тайком уехали с сенокоса.

Натруженные, сильные руки Михаила пытаются заключить ее в крепкие объятия, а она, дразня его, вырывается, смеется.

— погоди, Миша! Ты не сказал! Ну, говори!

— Чего говоришь! — Михаил делает вид, якобы не зная, что от него просят.

— Признавайся, без кого тебе нет жизни!

— Без тебя!

— Имя назови! — властно требует она.

— Мария! — произносит Михаил.

— Мало! — не унимается она и снова отстраняет его руки.

— Мария! — повторяет муж.

Она бежит вниз к воде и, оглядываясь назад, кричит:

— Главного-то не сказал!

Михаил пытается догнать ее, но она уворачивается, улыбка не сходит с ее губ.

Они становятся дальше друг от друга, и она слышит его приглушенный голос:

— Люблю тебя, Маша!

Над утренней зорькой во сне летала душа Марии. В стоявшей тишине поселка дорога ее бежала вперед, а густые сосновые ветви шептали, подглядывая в темные проемы окон:

— Отпусти его на небо, душа, отпусти!